

Андрей Мансуров

«Опять дурацкие вампиры!..»

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Мансуров А. А.

«Опять дурацкие вампиры!..» / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Изначально книга задумывалась как пародия на жутко расплодившиеся в последнее время посредственно-серые фанфики по "Сумеркам". Однако в процессе работы она как-то незаметно для меня самого превратилось в остро-социальную повесть про нравы современной молодёжи. Можете не сомневаться: сюжет «закручен» и динамичен - в традициях моего "Восемнадцатого Царства". Есть и "роковая тайна", и любовь, и интрига.

А ещё есть вампиры, и пришельцы со звезд. И происходит превращение обычного эгоиста – в супер-эгоиста... Надеюсь, скучно не будет.

Мансуров Андрей.

Опять дурацкие вампиры...

За всё приходится платить.

Да, за всё – за всё. Особенно за те, особые, силы и способности, которыми мы отличаемся от других. Людей.

А поскольку я теперь не совсем человек, мне пришлось заплатить особенно страшную цену.

Нет, не так.

Это раньше, в той, старой, жизни, я мог бы посчитать эту цену непомерно большой. Или даже – чудовищной. А сейчас я отлично понимаю, что такие условности, как совесть, честь, человеколюбие и прочие красивые термины-прибаамбасы, которыми слабаки-моралисты и набожные мамы запугивают детишек с пелёнок – лишь жалкие попытки банальных трусов и клушек-домохозяйек обуздать подлинную Суть человека.

А суть эта, собственно говоря, тоже проста: любым способом возвыситься. Чтоб насладиться *властью*. Над остальными – неудачниками, слабаками, и «совестливыми»...

Однако, как пишут в дешёвых детективах, не будем забегать вперёд.

Обо всём – по порядку.

Мама всегда мне говорила, чтобы я уважительно относился к мёртвым: ну, там, плохого им не припоминал, лишнего не болтал, и с чужими о них не трепался – особенно в том смысле, что они слегка, или не-слегка, затрахали... В первую очередь, разумеется – о почивших родственничках. Покой усопших, короче, не тревожил, и не опускал престиж Семьи ниже плинтуса в глазах окружающих.

А мне это всегда казалось довольно глупым: уж если человек был, как говорится, говно, так почему же я должен выставлять его чуть ли не героем?! Может, он тем, что, наконец, извините, сдох, освободил своих ближайших родственников и членов, так сказать, семьи – от тяжёлой обязанности по уходу за делающим под себя, вонючим старым козлом, да ещё и порядочным брюзгой-маразматиком. Который за всю жизнь никому не сделал ничего хорошего. А только вечно ко всем и ко всему придирался, будил среди ночи дикими криками, да ссал чаще, чем хотел, чтоб ма и сестра стёрли все руки стиркой, и Семья потратилась бы на памперсы для взрослых. А ещё постоянно вспоминал былые годы: как ему тогда было хорошо, как все уважали его, и какие все тогда были воспитанные, вежливые, предупредительные и послушные – не то, что современная молодёжь...

Ага, вы тоже узнали *своего* противного дядюшку Бена?..

Я-то с четвёртого класса старался пореже бывать дома: записался в тренажёрный зал, а потом и на футбол. Потом, правда, из футбольной команды меня – того. Как выразился тренер, за «чрезмерную немотивированную агрессию». Ха! Будешь тут агрессивный, когда дома сидит эта тварь!..

Словом, максимализм, как его обзывают умные дяди-психиатры, молодости, не позволял мне по достоинству заценить радость семейных уз, «преемственность поколений», и всё такое прочее. И думал я тогда так: какого хрена я должен возиться в дерьме, постоянно дыша этим самым, которым провонял насквозь весь дом от чердака до подвала, и ублажать выжившего из ума старого пердуна, когда вокруг полно, извините, богаделен?! Ну, пусть они сейчас называются и немного покрасивей – суть-то от этого не меняется. Да и уход там... Скажем честно: уж обеспечили бы. За наши-то денежки.

Вот на этой-то почве у меня с родной и горячо любимой мамой и назрел, так сказать, конфликт. Признаю: это я первым высказал всё, что действительно думал. Ну вот и... Н-да.

Надолго мне эти моменты запомнятся. Особенно проняло то, что мать молчала, только слёзы текли по щекам из-под ладоней в синих прожилках и узлах набрякших вен, а всё высказывала сестра.

Что странно, так как ей доставалось ещё побольше, чем нам с матерью.

Ну, сестре-то я ответил... А с матерью только попрощался. Прощения, однако, попросить не забыл – вот какой тогда был «совестливый». И, уходя, считал себя и правда – свиньёй. Которая бросает родственничков на произвол судьбы. И капризы твари полупаралитичной...

Вначале жил я у друга. Но я же не слепой – я понимал, что и ему я в тягость. А тут ещё и его родители очень... скажем – косо, стали смотреть на это дело.

И я просто уехал. Перебрался из родного и «горячо» любимого Сан-Франциско сразу куда подальше – в Город-Который-Никогда-Не-Спит. Уж на билет-то на самолёт накопил за пару лет.

Наша колония помогла мне с трудоустройством на первых порах: латиносу без связей не так уж легко найти место в Нью-Йорке. Хотя то, что они подобрали мне, нелегко назвать достойной работой...

Ну, что могу сказать о том времени – иногда я даже с сожалением вспоминал мирную и по-детски наивную семейную идиллию, видимость которой всю жизнь старалась поддерживать у нас дома моя мамочка. Но дело, конечно, было не в том, что работа мне не нравилась. (Впахивал я тогда, честно говоря, как конь. Или – ишак. Только одна отрада – вечером подкачаешься в провонявшем потом и пылью подвальчике у лысого Мо, посмотришь на себя в зеркало, и!..) И не в том, что мы в нашем квартале постоянно дрались с местными, как они себя теперь гордо именуют, афроамериканцами. И косоглазыми кунфуистами. И понаехавшими в последние годы хреновыми русскими.

Дело было и не в том, что денег вечно ни на что не хватало.

А было это дело в том, что когда я стал реально задумываться над своим будущим, я его, как-то, вроде, и не увидел.

Где эта, как её называют, пресловутая «перспектива», и достойное место в «обществе равных возможностей»? Что же мне, накачанному мачо с тяжёлым подбородком и отвратительно несимпатичной (Будем честны хоть с самим собой!) прыщавой рожей – до конца жизни таскать мешки с мукой на кухню пиццерии, выкидывать на улицу злостных пьяниц-должников, да посуду мыть?! Или – ещё хлеще! – пойти профессиональным вышибалой в какую-нибудь второсортную забегаловку?

Неужели я об этом мечтал, когда пускался, словно парусник, обрубивший причальные канаты, в, так сказать, самостоятельную жизнь?! И пусть дядя, простите за грубость выражения, откинул копыта через месяц после моего отъезда, возвращаться я не хотел. Это значило бы, что я, такой-сякой самоуверенный, прискачу под крылышко Семьи, пообломав крылья, и поджав, как побитая собачка, куцый хвост...

Совета я ни у кого не спрашивал. Сел со всем своим нехитрым барахлишком в междугородний грейхаунд, да и укатил оттуда в выбранном почти наугад направлении, так никому ничего и не сказав.

По дороге вылез в каком-то маленьком городишке, (не хочу врать – названия не помню) пожил там денёк в дешёвом придорожном мотеле... Да и купил себе свой первый костюм.

Выбрал недорогой, но – чтобы был по фигуре, и сидел прилично. Словом – смотрелся.

Это на мне-то, который всю жизнь ходил в футболках, старых джинсах, и рокерской куртке обтрёпанной, с повыпавшими почти отовсюду заклёпками!..

В парикмахерской на главной улице я постригся. Сделал «военную», ёжиком, стрижку. Сбрил свои дурацкие «мачовские» усики. Но больше всего я изменился, наверное, за ту бессонную ночь, когда лежал в дешёвом обшарпанном номере, смотрел в потолок, да на засох-

шие до окаменелости жёлтые потёки от дождя на стенах, и вздувшиеся на штукатурке пузыри, да чёрные следы от размазанных комаров на потолке, бил этих самых поналетевших на свет комаров.

И думал, думал...

Когда я прибыл в Массачусетс, из зеркала в туалете заправочной станции на меня глядел немного неуверенный в себе, но вполне интеллигентный парень. Мне он понравился. И я решил придерживаться этого имиджа.

В Массачусетский технологический я пошёл только на следующий год, поработав санитаром, а затем и охранником в больнице, (этим я соврал, что играл за футбольную сборную своего колледжа) а затем и вахтёром в офисе какой-то фармацевтической фирмы. (Этих устраивали и мои мышцы, они даже не взглянули на рекомендации, которыми я позаботился обзавестись.) Собственно, и там и там платили прилично, и дали почувствовать себя, так сказать, человеком на своём месте – от которого чего-то ждут. Хотя бы приличного исполнения своих обязанностей.

Для меня это было в новинку, но пришлось вспомнить общение с дражайшим дядей Беном, и забулдыгами-халявщиками, собрать волю в железный кулак, и, стиснув зубы, добросовестно работать. Я теперь понимал, что как я себя покажу, такое будет и отношение. Ну а выглядеть равнодушным лентяем-пофигистом я хотел меньше всего.

В университете я, честно говоря, тоже не звёзды хватал с небес – первое время работал лаборантом. На кафедре, значит, прикладной физики. Попал туда, собственно говоря, практически случайно – через знакомого байкера, который, не знаю уж как, оказался в Массачусетсе, и подвизался в том же университете, но по компьютерам: чинил их и «чистил» мозги. И наплёл он им, что я мастер на все руки. А я уж постарался не подкачать.

Вот в этом месте мне действительно понравилось. Нет, не в смысле общения с девушками-интеллектуалками – они туда, в универ, практически не шли, (А тех, которые шли, трудно назвать девушками в прямом смысле: на уме только карьера! Научная.) – а в смысле работы. Белые накрахмаленные халаты, серьёзная и непонятная (поначалу) аппаратура, кристальная чистота, тишина, «рабочая» обстановка сосредоточенности, порядок во всём... Та даже пахло по-особенному: Наукой с большой буквы!

Конечно, не кухня пиццерии с тесной подсобкой и хроническим запахом чеснока, сыра, и горелого масла...

Вскоре меня повысили – до старшего лаборанта. С соответствующей прибавкой в жаловании. Потому что за полгода я действительно научился работать практически со всеми тамошними приборами: и хроматограф, и масс-спектрометр, и томограф, и красавец электронный микроскоп, и «карманный» ускоритель теперь были для меня как родные. Можете смеяться – я, который и школу-то не закончил, и чинил только байки друзей да швейную машинку мамули, стал понимать, как работают эти приборы, даже получше нашего доктора – ну, в смысле, доктора Никласа Шумейхера, начальника нашей лаборатории.

Он лично имел возможность убедиться в моей, как говорится, компетентности: когда я только с тестером, отвёрткой, плоскогубцами, и паяльником, починил «чёртов», как он выразился, ящик – томограф! – за сорок минут. И это – после того, как приглашённый из фирмы-производителя специалист сказал, что для «восстановления функциональности» нужно увезти эту здоровенную махину, весящую с полтонны, к ним, значит, на завод, и там, значит, работать с ним недели две. И стоять это будет семьдесят восемь тысяч.

Уж не знаю, как объяснить, но я прямо-таки чуял, что там у бедного агрегата сгорело, и что нужно заменить, что подкрутить, а что и... Просто выкинуть. Хотите – называйте это даром, не хотите – не называйте, но суть в том, что аппараты, находившиеся в моём теперь почти бесконтрольном распоряжении, я по ночам разбирал буквально до винтиков, как когда-

то мамулину швейную машинку, и те же «Харлеи-Дэвидсоны», и как-то инстинктивно понимал – иногда получше, чем людей. Они мне нравились. Ну, аппараты, то есть. Может, потому, что никогда мне моралей не читали, к сознательности не взывали, и воздух ветрами и «отходами жизнедеятельности» не портили...

Наверное, я уже тогда был немного ненормальный. Или – много. Но что-то я увлёкся воспоминаниями. К делу.

В экспедицию в экваториальную Гватемалу я попал именно благодаря прекрасному навыку «прикладных» работ со всей нашей аппаратурой. Потому что её-то как раз загрузили полный контейнер. А везти в эту дыру целый штат ремонтников... Вот-вот.

Ещё в два контейнера загрузили кучу всяких палаток, походных постелей и прочей складной мебели, снаряжения, посуды, моющих средств, инсектицидов, портативных компов, и всего того, что позволяет нам, американцам, поддерживать достойное существование даже в джунглях. Ведь именно туда-то мы и направлялись.

Не знаю, какое отношение имеет прикладная физика к руинам древне-индейских цивилизаций, но и доктор Шумейхер, и трое его аспирантов – Томми Холлидей, Билл Мюррей (Выглядел он и правда – совсем как артист, но насуплен вечно был, и улыбался куда мрачней!) и Ковен Раджапетри (этот оказался натурализованным индусом) получили такой грант, что могли бы потом гонять балду года два... Конечно, они не отказались.

Ещё с нами была второй повар из нашей (то есть, университетской) столовой, Надя Престон, (Уж не знаю, она-то как согласилась? Может, очень нужны были деньги?) и пятеро здоровенных, словно из команды университетских футболистов, ребят, но – с военной выправкой. Называвшихся, впрочем, подсобными рабочими – или землекопами. Бросив на них единственный взгляд, когда они выстроились шеренгой на лужке перед зданием деканата, я сразу понял: в дебрях нецивилизованной страны не даст пропасть любимая Армия. Ну, или – контрразведка...

И вот мы все, в начале июня, когда ещё даже не закончился семестр, погрузились в самолёт. Визу нам помог оформить университет, причём почему-то через Министерство Обороны. (Узнал я об этом случайно: док, в туалете, думая, что там больше никого нет, брякнул Ковену, а я услышал. Но продолжал тихо сидеть в кабинке до того момента, когда они вышли. Обдумывал это дело тоже долго.)

Уж это-то могло бы меня насторожить, даже если б не «землекопы».

Но не насторожило – сама экспедиция меня здорово увлекла.

Экзотика. Да ещё в тепле...

Да и кто меня где ждал? Или – не пускал?!..

Долетели отлично. Ну, то есть до Гватемалы, их столицы, отлично.

А вот дальше оказалось посложней. Доку пришлось три дня ругаться и бегать, бегать и ругаться – со всеми возможными местными бюрократами, пока он не обратился непосредственно к военному атташе при посольстве Соединённых Штатов. И только тогда всё наше барахло мы смогли забрать с таможни, погрузить на трейлеры, (ещё два дня на оформление этих самых трейлеров – но тут дело решили наличные) и ещё два дня терпеть глотание пыли и чёртову тряску по жутким дорогам до основного Лагеря.

Располагался он и правда, среди самых настоящих руин.

Лагерь принадлежал нашим же, в-смысле, штатовским, археологам.

Устроились они хорошо. Капитально. Для всего у них имелись сборные домики – для жилья, столовой, кухни, лазарета, складов, и прочего. Территория, на которой всё это располагалось, даже была обнесена солидной оградой в виде двухметрового забора из деревянных столбов и десяти рядов колючей проволоки. И даже была своя военизированная охрана: и КПП с часовыми у ворот, которые только танком пробить, если (тьфу-тьфу!) что, и сердитым сер-

жантом – всё, как положено, прямо как на военном объекте. (Собственно, я как-то сразу так и подумал: военный объект.)

Один из наших «землекопов» сразу остался с сержантом, и стал бодро что-то ему докладывать, только что руку к козырьку не вскидывал, (Не было козырька!) а мы въехали со всем нашим барахлишком вовнутрь. Складами, куда стужали это дело, заведовал настоящий капрал-интендант. Рожа – вредная, и подозрительная. Он на нас и смотрел соответственно. Словно мы – хитро замаскировавшиеся шпионы. Ну, или злостные разбазариватели ценного имущества. Короче, матёрый кадровый военный бюрократ.

В-общем, я понял, что попал.

И точно: в город не сходить, (правда, до ближайшего всё равно было миль пятнадцать) за ограду не вылезти, так как она (Для нашей же, якобы, безопасности!) под током. С местными не общаться. (Приказ!) И спать – по сигналу отбоя. Даже наши аспиранты ворчали... Но и док сделать ничего не смог. «Так положено!»

Сами раскопки представляли собой кучу беспорядочно – ну, это на мой взгляд – разбросанных по территории лагеря разрытых ям, и траншей вокруг пирамиды. Цивилизации – не то майя, не то ацтеков – мне тогда было до лампочки. Которая-то и была огорожена со всех сторон квадратом колючей проволоки: так, чтобы по краям оставалось место футов по двести. Да плюс футов двадцать расчищенной сельвы с той стороны колючки – чтобы, значит, никто незамеченным... Ага, мне тоже смешно было вначале – кто бы эту массу камня упёр!.. И кому она на ... нужна: стояла себе тысячу лет необнаруженной, и ещё столько же простоит – уже обнаруженной!..

Для лагеря был тоже расчищен как бы квадрат – футов семьсот на семьсот.

Ну а вокруг – и правда, как в сказке: девственные джунгли во всей, так сказать, первозданной красе. И дорога только одна – грунтовая, узкая и извилистая, словно сумасшедшая змея, а уж раздолбанная и пыльная – и не говорите. А по ночам из этих самых джунглей доносились *такие* звуки – не больно-то захочется погулять. И даже с колючкой вокруг лагеря начинаешь как-то мириться, и даже потихоньку ей радоваться... Да и местные к нашему лагерю не больно-то совались. Чему я вначале и не удивился.

Духота и невероятная влажность с непривычки сразу заставила почти всех наших жутко потеть, ругаться, про себя и вслух, и постепенно снимать лишнюю одежду. Ну, это уж потом. А сначала всё было так официально и серьёзно – наши-то нацепили и костюмы, и галстуки, когда мы знакомились со всеми археологами и членами их экспедиции.

Заправлял у них всем Эд (то есть, я хочу сказать, конечно, Эдуард, но никто его так не называл) Лозанян, а помощником у него был, вот отрубите мне руку, если не матёрый старший сержант, но нам его представили как доцента Майкла МакАллистера.

Ещё там были какие-то затюканные и невыразительные аспиранты – Боб и Хуч, фамилий я не запомнил, и даже не знаю, называли ли они их при представлении, но все называли их так, и они ничего – не обижались. Лаборантов Эд привёз аж пятерых, но толку почти от всех было маловато. Врача экспедиции звали Невада Монтана, однако он сказал, чтобы мы, значит, не стеснялись, и звали его просто – Нед. И в этом, наверное, был смысл: в детстве, небось, задразнивали до судорог. А эскулап-то наш, судя по комплекции, не увлекался с детства накачиванием мышц, как, скажем, ваш покорный слуга – вряд ли мог обидчикам адекватно ответить... О чём только думал его папаша, давая отпрыску с такой фамилией ещё и имечко соответствующее!

У полевого состава археологов тоже имелись свои штатные, (помимо официальных охранников) «землекопы» – я так понимаю, в основном для того, чтобы, как говорится, бдить: не утаят ли озабоченные поисками научной истины любимые археологи чего «такого», если, вдруг, случайно, раскопают самостоятельно.

Ну, мне тогда на все эти интриги, и сложные межведомственно-начальственные взаимоотношения было наплевать – чтобы не скучать, значит, душой и телом, я всю дорогу, начиная прямо с самолёта, подбивал клинья к нашей очаровательной поварихе.

Правда, она годилась мне, скорее, в матери, и весила добрых двести фунтов, но что делаешь: во-первых, она действительно была мила на лицо, и понравилась мне, а во-вторых – и я оказался в этом прав! – на пятнадцать миль в округе других женщин не нашлось. И не то, что белых – вообще никаких.

Вот её, милую и немного наивную, падкую, как оказалось, до пошлых анекдотов, примитивно-лобовых комплиментов, и сплетен про артистов и поп-звёзд, Надю, по прибытии в базовый лагерь и пришлось утешать, и уговаривать – она здорово, как бы это сказать, расстроилась, когда узнала, что штатный повар археологов, Дэйв Олдфилд, умер от какой-то местной болотной лихорадки. И не помог ему ни док Нед, ни госпиталь в столице, куда его перевезли даже частным вертолётном.

Ну, сами понимаете, я старался больше всех, и через пару дней мы уже жили с ней вдвоём, в одном из свободных домиков, выделенных для нас экспедицией Эда – было их, этих весьма уютных коттеджиков, наверное, человек на пятьдесят, хотя всех вместе нас не набралось бы и тридцати.

Теперь-то надёжная защита и опора у Нади имелась круглые сутки. Аспиранты, и наши, и археологов, да и лаборанты, ни звука против не проронили: ещё бы, я-то был потяжелее любого из них фунтов на двадцать, хоть и пониже ростом, а футболом в командах своих университетов, или работой в тренажёрных залах они явно не заморачивались. Стало быть, и подготовочка спортивная, и форма челюсти были не те, чтобы возражать. Как ни странно, но «землекопы» Надю словно бы в упор не видели. Может, у них приказ был, или ещё что такое... А руководство, и наше, и археологическое, и сержант Лесли, главный по охране «объекта», не возражали. Что мы осваиваем удобства своего коттеджа – семейным, так сказать, способом.

Первые деньки всё было как бы в новинку – ну, там, и джунгли, и духота, и комары проклятущие с москитами и здоровенными многоножками, вечно норотившими забраться туда, где в них нуждались меньше всего, (Обычно – в ботинок, или за шиворот!) яркие красавицы-птицы, летавшие над нами днём, и оружие в любое время суток. И ужасные вопли и завывания остальных обитателей джунглей, и стрёкот цикад – по ночам. И ещё огромная таинственная пирамида, и мерцающие незнакомые звёзды – я таких больших сроду не видывал! – и здоровенная, словно головка жёлто-зелёного сыра, королева-луна.

Но потом как-то так получилось, что всё вошло в колею, и на всю эту дурацкую экзотику стали обращать внимания не больше, чем на воробьёв, или завывания полицейских сирен – там, дома.

Утром вся наша «профессура» проводила с рабочими группами Боба и Хуча коротенькую планёрку – дескать, где и что копаем сегодня – и с нашей «физической» бригадой: что и где «смотрим». И все расходились по местам: аспиранты и «землекопы» – копать, начальство – руководить и «лично присутствовать», Надя – к кастрюлям и сковородкам, я – в палатку с аппаратурой.

Палатка была здоровенная – наверное, (Впрочем – почему – наверное?!) армейская, человек на тридцать. Да и аппаратуры имелось ничего себе – навалено во всех углах. Буквально повернуться было негде, особенно после того, как мы притащили со склада, буквально выцарапав из лап интенданта, свою.

Ну, это уж потом. Вначале – дай бог, как говорится, было разобраться с добром археологов. С Денни Уотерсом, их «спецом», мы прекрасноладили, так как он честно и сразу, с очаровательно милой улыбкой признался, что почти ничего в ней не понимает, и довольно трогательно извинился, и попросил меня, не смогу ли я... Настроить, объяснить... Ну и всё такое прочее.

А на своё место он попал, оказывается, по протекции дядьки – какой-то шишки из Министерства Образования, решившей, что мальчику будет полезно посмотреть на мир, а заодно и отдалиться на время от почти ежедневных «тупых» тусовок с «золотой молодёжью», да повзрослеть. В свою очередь, он честно выставил бутылку, и предложил дежурить за меня по ночам – а случалась и такая работа, когда наши Боб и Хуч находили что-то, заслуживающее пристального изучения, или долгого и аккуратного извлечения. Правда, это случалось не часто. Но всё-таки...

Ага, первые несколько дней мне пришлось повозиться: вся их аппаратура была не такой, как наша, и пока я прочухал её и настроил, слегка выбился из сил – даже Надя сказала, что она отродясь не видела такого придурочного любителя железок... Впрочем, ей-то было грех жаловаться. Как, собственно, и всем нам – готовила она превосходно, и первые дни и док, и все наши и не-наши, просто млели, и каждый старался сделать ей приятное – ну, выражал, то есть, своё полное наслаждение пищей, и восторг. Даже Лесли.

Я тоже выражал. И доказывал калорийность рациона, так сказать, действием.

Ничего не скажу – мне было тогда хорошо. Наслаждался я по-полной своей «востребованностью» – сами знаете, как это бывает, когда работа спорится, и, вроде нужная она людям... И быт вполне устроен. Я даже подумывал на Наде жениться. В первые-то дни. Может, это воздух тропиков так влиял? Или её готовка?..

Теперь о раскопках. Чтобы вам было понятней, мне, конечно, придётся коротенько рассказать, что за работёнка у археологов, и почему наши, с Кафедры прикладной физики, оказались в одной упряжке с официальными, так сказать, копальщиками гробниц. Если что не совсем так объясню – не обессудьте. Я всё-таки не специалист по археологии, истории, и всяким там мумиям – буду рассказывать так, как видел, и как понимал сам. Ну, понятное дело – после разъяснений наших спецов...

Пирамида, как нам всем в самом начале сказал док Эд, принадлежала, вроде, к ранним майя, но архитектура её (Это он так высказался про эту замшелую и оплывшую грудку камня!) была нетипична: и стены круче, и фундамент – чудовищно глубок, и размерения сторон другие, и... Словом, что-то там имелось такое, что гарантировало её уникальность, и делало их исследования важными. Во-всяком случае, настолько, чтоб это дело прилично финансировалось.

Коллега Джонни, какой бы тюфяк не был, всё-таки смог наладить эхографические исследования территории. Это оно только звучит так устрашающе, а на самом деле – заряжают холостой патрон в специальную трубу, стреляют в землю, и потом компьютер показывает неоднородности: камни там всякие, клады, керамику, и прочее такое, что отличается по составу и плотности от основной почвы вокруг.

Методика старая, её даже в «Парке Юрского Периода» показывали. Но вполне надёжна. Правда, площадь, которую просматриваешь за один выстрел, небольшая – всего несколько десятков квадратных ярдов, но вот уж времени и патронов у Джонни имелось предостаточно.

И первую подземную галерею нашёл всё-таки он.

Проходила она от фундамента пирамиды под нашим забором, и вела прямо в джунгли. Ну, ясный пень, наши brave археологи раскопали её – пролежала эта каменная громада чуть не десяти футов в поперечнике на глубине пяти-шести ярдов.

Копали, конечно, возле самой пирамиды. Чтобы, во-первых, естественно, не лезть за колючку в непролазные джунгли, а во-вторых, чтобы быть поближе к проходу – проходу, само собой, к сердцу пирамиды – погребальной камере.

Ну, копали, конечно, только их, штатные, так сказать, землекопы – я честно говоря, удивился, когда узнал, что технику, типа миниэкскаватора, или даже дешёвую местную рабочую силу, экспедиция с самого начала не привлекала – и это тоже казалось странным... Как и забор под током. Как и сержант с отделением охраны. И некоторые другие...

Странности.

Ну да и пёс пока с ними.

Вот, они её, то есть, галерею эту, и раскопали.

Долго разбирали капитальную кладку, все камушки нумеровали, да записывали – какой где лежал... И что в итоге? Оказалось, что никакого прохода внутри к центру, или там, к секретной погребальной камере, или чему-то такому, что всегда бывает в таких галереях, не оказалось: сплошной камень и гравий по всей десятифутовой ширине и высоте. Как сказал тогда Эд, они все были буквально в шоке, и волосы рвали на разных местах – такого никто ещё не встречал. Получалось, галерея – обманка. Возможно, для чересчур ретивых грабителей могил, или (это уж моё личное мнение) археологов.

Все шишки достались злополучному Джонни – почему, мол, не сообщил заранее, что кладка без внутренней полости?! А он и не мог – такая примитивная метода не позволяет этого определить. Вот тогда они на него и наехали: применяй, дескать, что положено. Джонни, не будь дурак, и задвинул, что того, что положено – у них нет. Это, мол, в ведении и распоряжении физиков да геологов, а археологам такую дорогую специализированную пром.аппаратуру не купить и через десять лет. Ни одно начальство потому что *такую* смету на оборудование не утверждает.

Ага. Вы правильно догадались – тогда-то нас и выписали из Штатов, да со всем нашим барахлом, потому что дорогой и горячо любимый Джонни, которого схватили, как говорится, за жабры, обнаружил ещё четыре каменных галереи, расходившихся крестом, от центра каждой стороны пирамиды, и тоже скрывающихся далеко в джунглях.

Пятая подходила к северному углу пирамиды, и залегала ещё глубже. Копать их пока не стали, потому что определить, где они кончаются, и которая из всех внутри полая, не смогли. Тут старина Эд рассчитывал на наш магнитно-ядерный резонатор, и на портативный томограф. Не говоря уже об УЗИ и МГД-сонаре. А переносной маломощный прибор, позволяющий по изменению сопротивления почвы искать подземные тоннели и полости в теле пирамиды, показывал в лапах Джонни такую чушь, что они решили, что он испорчен.

Он не был испорчен – в этом я убедился. Просто мощности не хватало. Да и от помех отстроиться оказалось непросто. Ладно, сделали. (Ну, вернее – я сделал.)

Поясню, почему археологи так суетились и спешили.

Кончался срок, на который было дано разрешение правительством Гватемалы на раскопки и изучение всего этого добра. А первые полгода работ толку не дали. Центральная погребальная камера в конце сорокафутового коридора, ведущего прямо с верха пирамиды вглубь её толщи, оказалась, конечно, разграблена. Уж не знаю, кем и когда, этого не выяснили и археологи – не то самими же майя, в глубокой древности, не то испанцами-конкистадорами, почти так сказать, моими «предками», всего каких-то триста-четырееста лет назад.

Однако огромный, толстый и необычно глубокий массивный фундамент – футов на пятьдесят уходящий в почву! – позволял надеяться, что внутри могут иметься ещё полости, в одной из которых и скрыты долгожданные сокровища. То есть, это они для археологов должны были быть сокровищами – а уж какие резоны здесь для армейских, я даже примерно не представлял. Тогда. А потом уже поздно было.

Ну, я, конечно, тоже не всемогущ. Больше, чем на несколько футов в глубину камня, и нашей аппаратурой было не просветить. Ну так: камень – он вам не почва!...

Вот, когда археологи увидали, как сноровисто мы с Джонни распотрошили до винтиков, и опять собрали и отладили всю их аппаратуру, (не такую уж и скромную и дешёвую, честно-то говоря) они, понятно, захотели, чтобы я занялся, наконец, делом.

Ну, я и занялся. Почти всё, что мне, по моим-то, не отягчённым, как говорится, научно-образными теориями, представлениям, было нужно, имелось – и наше, и не наше.

Так что я написал на клочке бумажки список, чего мне ещё понадобится, поговорил спокойно так с Лесли, и «доцентом» МакАллистером, который командовал, как я понял, и заправлял тут всем, даже сердито-подозрительным интендантом склада.

И вы бы видели, как шустро трое Леслевских архаровцев с пачкой наличных денег, и на экспедиционном джипе, рванули в столицу провинции...

Уже на третий день всё привезли, и я «под руководством», как говорится, и неусыпным оком всех наших «учёных», дающих очень «ценные» советы, и молча сопящими в усы военными, смонтировал за пару дней своё барахло на здоровенной телеге, на каких обычно возят багаж в аэропортах, с вырезанной в днище дырой – под излучатель. Вручную мы её даже впятером с лаборантами Эда сдвинуть с места, особенно на мягкой почве, не могли: ещё бы, на ней же торчал и генератор для выработки уймы электричества! А его нужно было ни много ни мало – двадцать пять киловатт.

Приспособились однако возить тележку на прицепе за всё тем же джипом – у Тойоты-лендкрузера движок явно стоял чужой, лошадей на триста. Теперь мы со всем этим добром смело заезжали в джунгли, чтобы проследить, где и чем, наконец, кончаются эти чёртовы галереи, и есть ли внутри них полости.

Правда, и «землекопам» пришлось повозиться: пошли в ход и бензопилы и мачете, и обычные лопаты – а то даже джип не пролазил по жутким кочкам и зарослям. Теперь нам досаждали и мокрицы, которые всё падали с деревьев, норovia обычно попасть в глаз, или за ухо, и змеи, шипящие в гниющих листьях на земле, и прочая вредоносная мерзость. И уж если кто из них исхитрялся кого цапнуть – мало не казалось. Благо, док с флаконом спирта и ватой таскался везде с нами – оберегал, так сказать, похлеще родной мамы... И то сказать – тропики же! Влажно, как в сауне! Малейшая царапинка, или укус, тут же воспалялись, особенно, если расчесать грязными ногтями. Да не проходили буквально месяцами. А таскаться везде с бинтами да с нашлапками тампонов из медицинских пакетов – удовольствие так себе. Ниже среднего.

Вот когда мне этой самой экзотики «первозданной девственной природы» хватило, как говорится, по самые помидоры. Не скоро захотел бы повторить.

На то, чтобы отследить и «расколоть» три оставшиеся галереи, отходившие от сторон крестообразно, много времени не потребовалось – за неделю мы с ними разобрались.

Никаких «секретных» камер у их входов не было. Похоже, они всё же, как сказал Эд, имели или ритуальное, или вводящее в заблуждение грабителей, значение. Кончались они в трёхстах, или чуть побольше, ярдах от пирамиды, и на глубине всё тех же пяти-шести ярдов от поверхности. С которой не имели никакой связи. О том, что состояли они из монолитного камня-гравия, можно и не говорить.

Последняя, обнаруженная ещё Джонни, шла куда ниже – на десяти ярдах под поверхностью, выходила на двести пятьдесят ярдов за территорию лагеря, и... Тоже оказалась из монолитной каменной кладки сплошняком – внутренней полости не было!

Наши археологи просто взбеленились: ведь не копать же по периметру всю почву вокруг пирамиды в глубину! Тут и пирамида могла осесть, и времени просто не оставалось. Да и понадобилось бы человек сто...

И тут бы нашей чёртовой экспедиции и, как говорится, кирдык. Если бы не (Не хочу скромничать!) ваш покорный слуга. Хоть мамуля и втемяшивала мне своё, что, дескать, покой усопших лучше не тревожить, а выиграл у меня, так сказать, дух спортивного азарта. И нашёл-таки я им их галерею. И даже бешенный кайф при этом испытывал...

Ничем она (В-смысле, не мамуля моя, а – галерея!) облицована не была, а просто шла под землёй, на глубине добрых сорока футов, от какой-то полости у южного угла пирамиды, далеко в джунгли, и кончалась в четверти мили от неё.

И была она вся практически полностью затоплена грунтовыми водами. Обнаружить её, даже если вы самый ретивый и прожжённый грабитель могил, или, там, археолог, (иногда,

особенно, когда они высказывались после очередного облома, или их кто-нибудь особенно болезненно кусал, или ещё что-нибудь такое получалось, мне казалось, что особой-то разницы и нет) было практически невозможно. Ну, то есть, обычными приборами. А уж пройти – ха-ха!.. Разве что в акваланге.

Это я догадался, как и что подрегулировать в излучателе, чтобы его детекторы реагировали на простую воду: я вначале-то настраивал их на воздух, то есть – на воздушные полости или карманы, в поисках галерей-то. Но потом словно завеса спала: я понял, что если галерея лежит поглубже уровня грунтовых вод, она, или они – должны быть затоплены!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.